

Елена Збаражская

Космические совы

Откуда я пришла — туда уйду

Елена Збаражская
**Космические совы. Откуда
я пришла – туда уйду**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40220403

ISBN 9785449612526

Аннотация

«Космические совы» – это наши мысли и желания, которые слышит и видит Вселенная. В этом сборнике помещено огромное количество любви, эмоций и надежд, всё то, что мы с вами получили при рождении и получаем при жизни.

Содержание

Там, где флейта	6
временная	8
осы	9
За душой	10
С тобой	11
драконье сердце моё	13
трепет	14
ветрянка	15
Семь раз наступают зимы	16
мёрзлое	18
кому угодно	19
уродливое	20
поцелуй зимы	21
белая осень	22
Уходя	24
в себе	25
просто пыль	26
другая	27
ОсеньЯ	28
если я это я	29
частный ад	30
сердцебиение	31
мы сбудемся	32

Мы	34
настоящее	36
Буду	37
твоя	38
Глупые бабочки	39
Живи для меня	40
Хлам	41
Чёрной орхидеей	42
чтобы сердце дышало твоё	43
без запятых	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Космические совы
Откуда я пришла –
туда уйду

Елена Збаражская

© Елена Збаражская, 2019

ISBN 978-5-4496-1252-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Там, где флейта

Как жаль, что тем, чем стало для меня твоё существование, не стало моё существование для тебя.

(с) И. Бродский

Как жаль, что тем, чем стало для меня твоё существование,
не стало моё существование для тебя.
Под костью рёберной теперь лишь рёв дракона,
и птицы пролетают надо мной, роняя перья.
Цветущие вишнёвые сады в годах остались прошлых,
а в нынешнем – засеян пруд унылой ивой,
в реке луна не омывает свои руки —
она в ладонь уже не ляжет солнцем.
Из слов торчит букет калёных игл,
речь умирает на губах,
и краски гор в закатах стали тусклы —
так происходит при великой смерти,
так происходит при великой жизни.
Я полностью снимаю свою кожу
и оставляю голым естество
в день ветра, в день союзов между небом
и краем неиспорченной земли —
на ней молчат все вековые камни
и море убегает от воды.

Здесь нахожу огонь по дыму,
в нём опаляются мечты,
и пусть —
глупее только сны под утро.
Откуда я пришла – туда уйду,
осталось только вспомнить,
где звучала флейта
под материнской грудью
в местах единственного
подлинного дома...

И книгой недочитанной стору...

временнАя

Не закрывай свой мир передо мной,
я на твоих ладонях ВременнАя,
кормлю крикливых галок тишиной,
болтаюсь в атомах бесплодного Начала,
по линиям твоим тянусь рекой,
корнями леса прорастаю глубже,
смотрю в глаза ажурную тоской,
ветрами снов целую твои губы.
И тьмы угли купаю в молоке,
пока пророчит джа другим метели,
в моих зрачках эквивалент зари
теплом вселенским полнится, пестреет.
Вплетаю в дни спокойные тона,
шепчу мотив замёрзшим вертикалям,
выбрасываю скуку из себя,
пока я ВременнАя в твоих далях...

ОСЫ

Мир под маской морозной манны,
смежны души в одеждах белых,
змеи-ветры шипят, бормочат
литургию бесьятам-нервам.
Дни в прострации, плешь на темени
у ночей беспризорно маетных,
сопки спят (истуканы ветхие)
и туманы шушуканьем балуют.
А у мыслей, заоблачно-трепетных,
разжужжались мохнатые осы,
синеокая горечавка зацветает
в заброшенном острове,
распечатаны тайны времени,
купидоновы стрелы светятся,
зацеловано сердце вьюжное.
И зима одинокая мечется...

За душой

А за спиной зимы начало,
а за душой одна любовь,
над тенью города скрижали
спадают с божьего пальто,
спят в кататонии деревья,
скандалит ветер с пустотой,
тепло осталось только в мыслях,
где птицы выют своё гнездо.

И мир мельчает, костенеет,
простудно кашляет восток,
метель кудрявится в постели,
где лама пел у чьих-то ног,
а за бесплодными степями
в чужих краях воркуют ночи,
и за спиной зимы начало,
и за душой в мурашках звёзды...

С тобой

Рядом с тобой,
как прыжок в алхимический ряд,
в суммарность планет
и в знойно-шершавые звёзды,
в море, где чайка трётся об чайку,
штили молчат,
в дни полногрудые, шаткие,
в сильные ночи.
Преображаюсь,
петляю по вывихам снов,
в беспрецедентности воя
гулящего ветра.
В горизонталях твоих
сногшибательный код,
тот, что меня раздевает
до свежести лета.
Я становлюсь безрассудной
преступницей мрака —
белой пургой разлетаюсь
в полотнищах света,
мыслью крошусь,
вышиваю телесную вечность,
жадно вдыхаю твою
хвойниковую слабость.

драконье сердце моё

Прикрой своё драконье сердце —
я в нём рождаюсь телом скерцо,
черпаю звёзды,
пью с ракушек молочный дым,
вдыхаю небо,
кормлю ветра сухой травой,
крошусь на мел,
целую воду прудов зелёных и косматых,
танцую с морем,
лугом пахну.

А душу гладит алым ситцем
закат интимных бесконечий,
и воскресаю, не взрослея,
и погибаю быстротечно...
Дрожу листком осенней вязаи,
шепчу наивные молитвы,
и обнимаю время-счастье,
вплетая радостные нити
в мгновенья утренней прохлады
и в ночь – магические руны.

Я умираю в твоём сердце,
но тлеть в другом уже не буду...

трепет

Ночь безупречно чиста в пентаграммах аллюзий,
Мысленный дрейф по диффузным началам снежности,
В шаттлах души разорвался конфузный узел,
Хочется больше любви и обычной нежности.
Сложный декабрь разложил на подушках карты,
Выбрал ненужные масти, раздал по метелям,
Простынь земную сгрёб в одноцветный фартук,
Солнца старинные спрятал в постелях модерн.
Я же маньячно смотрю на опухшую лунность,
Сердца удары, как мера экстаза, считаю,
И тишину разбавляю песнями Боуи,
Летом стрекозным и занавесным трепетом...

ветрянка

Белый космос открылся,
и в нём не видны блики света,
в районе шести утра исключительный дрейф —
сыреющей мыслью вся жизнь убегает в постскрипtum
и всё, что любилось, опять замерзает в зиме.
Она остаётся в том месте,
где север взрывается,
где смехом людским выжимается чуждая голь,
где богом прощается грех – умирать, проклиная,
и где не пикируют чайки над чёрной водой.
И только слова разбросались
ветрянкой по пустоши,
в которых ещё что-то теплится, греет нутро.
Зима не приходит одна,
и не кончится в пятницу,
и мечется ведьмой любовь, исчезая в мирах...

Семь раз наступают зимы

Мы выпали из Настоящего,
из перепачканной ночи
с изнанки солнца курящего,
сжимая пространство точек,
в котором величие света
во мрак вопросительный пало,
в туманы тягучие село
и мёртвою птицей пропахло...

На кончиках пальцев неба
мозоли об души натёрлись:
кровят, осыпаются мелом
на душный хлам города, мокрый.
Улыбка теряет магию
под телом живого Времени,
рассвет прирастает к закату,
и день претворяется в белый...

Под блеском лунного лака
тоска расползается шире
внутри заболевшего моря,
в тенях давно грустного мира.
И морщатся осени вежи
от долго тянущейся правды.

Семь раз наступают зимы...

К теплу мы уже не причастны...

мёрзлое

Дни в сквозняках. Небо жрёт потускневшее солнце.
Голые ночи танцуют под ноющий тар.
Воздух дрожащей рукой ковыряется в сердце,
Щупает море, цветы и восточный отвар.

Бог разрыдался от судорог-слов моих мыслей,
Запечатлел их в тучах измятых, на память.
Он пробежится с моими стихами в осени
И, задыхаясь, их будет читать снам алым.

Тени домов тут же белой покроются краской,
Выдохнет мир из груди пожелтевший глобус,
И забинтуется прошлое в мёрзлые дали,
Где чёрных птиц ангел скормит зиме горбатой.

КОМУ УГОДНО

Среди тебя я не твоя,
всего лишь сумрак обрамлѐнный
в кайму заоканных надежд,
почти любима, между прочим...
А между «этим» просто я
скукожилась в немое облако,
и между дел скучаю женственно-
хочу я белое, хочу я тѐмное...
Но чистота воды, как взгляд-
не ждѐт, не умирает...
Среди тебя я невпопад...
Ты жив? (шепчу)
Я тоже! (отвечаю).
Игра судьбин,
как скомороха длань...

Он никогда не лжѐт,
танцует, когда плохо,

поѐт, когда смешно,

кому угодно...

уродливое

Любовь уродлива, как святая вода из-под крана,
в ней смешано всё – от оргазма до скудных улыбок,
от двух шагов до манящего светлого храма,
и двести, вширь, чтоб не впасть с головою в омут.
В ней всё вкривь/вкось от ненужности до потребности,
от ломки сознания до функции лишней гиперболы,
всегда не попад, что немеют порою конечности,
от шторма внутри и до штиля скупой сердечности.
Скользит мокрицей, кукожится, рожи кривит,
щекочет нервы, хохочет, сдирает лохмотья,
а хочется быть иногда всего лишь свободной,
скрывая уродство внутри...

И жрать проклятья...

поцелуй зимы

Мне легче с тобой говорить, когда в горле ком,
Пока сушит слёзы мои не восточный ветер,
Пока разбивается ночь об моё окно
И время уходит песком по осенней дельте.

Но я научилась взрослеть каждый раз «на боль»,
Пока чьи-то флейты фальшивят, что режется слух,
Пока багровеет под кожей моя любовь,
И сны свиристелки шаманят в мой ломкий досуг.

Уже не хочу тишины с ароматом «ты».
Теперь от неё веет холодом, колотым льдом.
Мне легче с тобой говорить, когда ты молчишь.
Меня нет.
Вновь зима мою душу целует в лоб...

белая осень

Белый закат лёг ребром
на широкие улицы,
равно внутри сжалось зло и добро
в многослойный кокон.
Ты спишь всегда на юге,
с эдемским ветром на ложе,
я в это время люблюсь ещё
луной круглощёкой.

Но у нас на двоих один бог,
и его причуды,
и ему не нужна темнота
с ароматом мускуса,
он давно разделил тишину
на сто разных звуков,
и архангелам крылья вручил
из молочного шёлка.

И, пока он прощает грехи
малодушным тварям,
мы свои собираем синхронно
без малого страха.
Вот бы мир навсегда заковать
в антикварный ящик

и оставить в былом
прокажённую белую осень...

Уходя

Уходя, я оставлю тебе три сна и век тщетности,
Пусть меняются луны недолго в твоих стенаниях,
Без меня дни не станут от этого безрассветными,
Только утро окрасится зыбким сырым отчаяньем.

Безмятежность свою обращаю в штормовые локоны,
Окроплю чёрной кровью вокруг я свои владения,
Рассажу по тропе сад из синего чертополоха,
Назову себя новым, звучным и бархатным именем.

Мои белые птицы склюют все пути невозврата,
Шёпот духов лесных оглушит мои выдохи боли,
Ничего не случится уже, кроме вечного ада,
Где в твоих зеркалах будет плакать застывшая осень.

В себе

Между мной и тобой двадцать зим и семнадцать осеней,
Триллион жалких фраз о судьбе и одна о смерти,
Перекрёст параллелей дорог на зелёном глобусе,
Пи-число голосов, онемевших в счётчике времени.

А во мне и в тебе многослойно рождается небо,
Слог молитв о весне разлетается трепетно по ветру,
Где-то пёстрые бабочки жгут на огне своё тело,
Чьё тепло возвращается в наши безумные души.

Я в тебе, ты во мне, как внезапность пустотных улыбок,
Многоочия, строфы, параграфы чьих-то желаний.
Берегу тебя в страшных источниках личного знания,
Береги меня в лучшем из них... Мы в себе... на грани...

просто ПЫЛЬ

Посмотри, как без нежности осень черствеет,
солнценитками вшита в неё пустота —
запечатана, втёрта под рёбра большее.
И скулит под одеждой земная тоска —
та, что легче ветров, чёрных дыр тяжелее,
холоднее зимы, громче боя в часах.

Наши сны обнимаются с тусклостью неба,
долго спящим богам открывают глаза,
исчезают, впиваясь в сознание терпко.
Старый ангел едва держит счастье в руках —
то, что тише прибоя, ароматнее трав,
горше сладкой нуги. Мир немеет без нас.

Мы без нежности Времени пыль...

другая

Растопырило небо душу
откровением мрачным, стонет,
пеленает туманом солнце,
обнимает его, целует.

А под ним лихорадит город,
глохнет ночь и болеет утро,
день тряётся в немых аккордах,
вечер стынет, взрослеет блёкло.

Одиночество сушит цукаты
из простых абрикосовых долек,
в настроении ноты Ботсваны
и мурчание дремлющей кошки.
Простужается жёлтое время,
пьёт сироп из травы и скуки.
Эта осень совсем другая,
в торжестве тишины ликует...

ОсеньЯ

Распадаюсь на осень в потускневшем пространстве под фантомным теплом замеревшей луны. Отвергаю свою бесноватую душу в искаленном мире синдромной тоски.

Мельхиоровый сумрак спадает на плечи, на обглоданных ветром руках – пустота. Захрустевшие дни торжествуют над вечным, за вчерашней улыбкой печали раскат.

Город глохнет снаружи от горчичного скрежета и сыреет под гнётом сумасшедших дождей. Распадаюсь на осень в остывающем лете и льняною пылью исчезаю в себе...

ЕСЛИ Я ЭТО Я

Мне бы не спутать с темнотой своё бродячее
одинокчество,

ищущего тебя внутри тёплого моря, божьей росы,
пока оживают донные сны, где засыпают чёрные горы
в текучих туманах коралловых песен.

Чайки пьют мои слёзы,
небо трогает душу посиневшей рукой,
и грудь ложится на горькую тишину.

А ты растворяешься в чужих горизонтах
в свете поздних восходов,
и я не успеваю погрузиться в имя твоё,
коснуться ветхой полуночи губ, твоего мира,
встающего против течения.

Ритм гуляющих волн
становится параллелен бесконечности,
глубина сдерживает обещание,
вбирая в себя остатки остывшего солнца,
и становится на колено в иловом рае,
где я – это ты, если я это я...

частный ад

Возле меня уставшее солнце студит свои лучи,
Словно отряд слепцов, жаждущих руку пожать.

Мы научились кричать, но обречённо молчим,
В страстной безумной пляске боль научилась дрожать.

Дьявол-искусник, играючи, душит смышлёное время,
Мы из миров исчезаем, тени меняя в размерах.

Голь паруса разрывает на кораблях желаний,
Мысли изысканно стонут и умирают сакрально.

А незаконченность грусти тянет за хвост унылость,
В летнем угаре в страхе ангелы белые скрылись.

Сердце варилось долго даром в чужом самоваре.
Вишней созрел махровой проклятый ад персональный.

сердцебиение

Сердцебиение чайки извне,
море внутри размножается, сохнет,
обречённость купает в вине,
а тоску прячет в купол улитки.
Выживаю в утробе, на дне,
омертвелою слова в молитве.
Я сегодня чужая, сложней,
изменяюсь в размере и в ритме...
Ненавижу звук дня, закрываюсь,
на куски режу свет, мглу ласкаю.
Засыпать без него разучилась
и боюсь тишины, замерзаю...

мы сбудемся

Скоро листья станут, как тряпки,
когда август холодный сожмёт в горсти наше лето.
Мы забудем, что вили в себе свои гнёзда из пыльной хины
полыни
на изумрудной мокрой траве в часы,
когда дни слишком были натянуты на солнцепёковые
лучи,
пока наши шепчущие души возбуждались под бешеным
ливнем,
отмываясь от грехов насущных,
и тут же пачкались щемящей надеждой, что будем живы
в любви,
как когда-то, слепленные из глины, миры,
из которых можно выжать тьму, что имеет предел,
получать терпкое вино, чтобы напиться земным, что
когда-то стареет,
как память, которая планирует умирать с чем-то важным
и нужным...
Мы ещё не совсем сходим с ума,
понимаем, что время нам неподвластно, и успеваем
нумеровать
страницы собственного календаря, отрывая в нём сутки
счастья
и грусти от избытка нерастраченных поцелуев,

и прощаем, уходящую в зимы, радугу на ладонях,
оставляя единое, страстное и желаемое – «мы сбудемся»,
сливаясь с вечным, происходящим...

Мы

*Мир в преддверии вечных нас в двух шагах
от пожелтой зелени,
на застывших слезах небес среди лун
в постоянном времени (с)*

Может, тебя и на свете не было —
Милой, задорной, любящей ливни,
Сентиментально взирающей в небо,
И, в облаках скрывающей мысли.
Может, не я целовал твои плечи,
Таял в рассветах под крик воробьиный —
С богом хрипел от души в мятной неге,
Соприкасаясь с любовью ковыльной.
Может, и сны не со мной просыпались,
Боль не моя шелестела ночами,
И не твои листопады казались
Ярким оттенком с прологом печали.
Может, не я мазал красками осень,
Штрихи судьбы рисовал поперёк,
Зонт для двоих и невидимый дождик,
Синюю даль, за спиной – ничего.

Нет, это я запятнал одиночество
Винной листвою, бургундским похмельем,
И обнимать теперь буду я вечно

Самую лучшую знойную женщину...

настоящее

Ты давно слышишь небо моё,
то, которое тонет в морях —
в нём и вёсны и зимы на дне.
Настоящее жаждет тебя.

Не прошу, не мечтаю. Не смею.
Отдаю всё, что есть у меня.
Забирай, я не стану беднее.
Я собою вдыхаю тебя.

Не хочу я рассветы, где полночь,
не хочу и закаты тоски.
Я из сильной маленькой женщины
хочу в слабую перерасти.

Мне свобода, как камень, грузом.
Лишь других ей могу одарить.
Я с тобою желаю помнить
то, что прожито. Только живи!

Буду

Время «май», успевай закрывать глаза.
Если есть бог, то он убивает внезапно,
выключая рецепторы сна.
После нет ни одной стоящей аритмии,
чтобы не впасть в пустоту.
Он всё делает так,
чтобы в этом придурношном мире
стало тихо для женщины,
плачущей для себя,
для которой всеобщее равнодушие – нуль.
Совести нет. Вместо неё хлыст,
бьёт себе в радость то, что уже не живёт —
самый краткий срок у ненужной любви.
Для твоей – термоядерный кровоподтёк.
И втыкается дюжиной внутрь истошное «ню»
благовестным припевом, испорченным
в нотах «ми»:
«ты терпи, я немного ещё посплю».

«Потерплю. Не проснёшься – я буду жить»...

ТВОЯ

Я твоя в наших диких заброшенных вёснах,
Позволяю тебе шить из нежности новое время,
Об которое трутся сварливые жадные чайки
И киты-великаны, пуская фонтаны, смеются.

Для тебя я шептать буду странные тайные звуки,
Отдавая тепло, растворяясь в бездумных объятьях,
Танцевать без одежд, выгибая в движениях, тело
И бесстыдно желать миллиардный раз поцелуя.

Я твоя сумасшедшая, дерзкая, вздорная леди,
Разрешаю тебе выпивать моё бурное море,
Пусть меня обругают чужие сонливые боги,
Буду медленно таять с тобой, упиваясь любовью...

Глупые бабочки

Тесно под твердью скрипучего неба.
Грязные дворики, мыльные лужи.
Скучно от взгляда на лица ванильные,
Хочется выть, только голос контужен.
Город-коробка, с бантом канатным,
Травит жавелем гремучие нервы.
Здесь одиночество чистит карманы
От залежавшихся милых волнений.
И лишь во снах оживают желанья.
Глупые страсти стремятся к грехам.
И киноварною ягодой пахнут
Губы, что впились в сухие уста...

Липкое утро дышит в затылок,
В гвалте теряются зыбкие сны.
В крохотном теле желанья ютятся,
Бабочки в них опыляют цветы...

Живи для меня

Живи для меня в этом мире, где всё осторожно,
где в каждом из звуков внутри есть своя тишина,
чтоб наши больные надежды имели возможность
вдыхать синегрудое небо, сжигая сердца.

Ещё не успели поймать мы из уст поцелуи,
от мыслей – касаться друг друга – прикрыты глаза,
и нежность дрожит, протекая по телу гипюрно,
да так, что у бога скользит по щеке слеза.

Живи для меня в этом мире, где ландыши вянут,
где цвет от черёмух спадает, как снег в декабрых,
чтоб наши уставшие души сошлись у трамвая,
в котором есть место для двух, и одно для костра.

Ещё не успели мы смять одиночества письма,
испить на двоих угловатую жизнь, не спеша,
но тянется сладкою ватой болтливое время,
пока нас волнует живое под шум камыша.

Живи для меня, для тебя я уже существую,
кричи, говори и пиши мне о чувствах шестых,
шепчи, что я буду твоя, что немного волную,
люби – так, как будто я завтра случайно умру...

Хлам

На! Держи моё сердце голодное
то, что очень похоже на смерть,
я его без ножей доставала
для тебя из-под кожи, как твердь.
Можешь мять его с каменной солью
или просто в болотах топить,
я уже не почувствую боли
и в слезах не сумею скулить.
Моё море давно уже сдохло
от твоей приперчённой хулы,
на устах горько небо присохло
от уставших ненужных молитв.
Я в своей тишине искупаюсь
и свободно вдохну нелюбовь,
достигая убойной нирваны,
так, что даже не дёрнется бровь.
Отвернусь от избитых иллюзий
и исчезну в ромашковых днях.
Ты отдашь моё сердце медузам.
Без меня оно мертвенный хлам.

Чёрной орхидеей

Я пахну тобой. Пропиталась,
расцветая перед твоей ночью...
Никогда не играла: запрещалось
мне светом мерцать не тому...

Касаюсь собой и пальцами рук
тебя всего, вдыхая и выдыхая
наш общий воздух, закрывая
Богу глаза, чтобы после не каяться,

И... не буду...

Я буду желать и хотеть, как никогда,
пока смеются демоны в собственном раю...

И целовать...

И теряться в твоих глазах
чёрной орхидеей, не закрываясь,
пока не устанешь любить...

чтобы сердце дышало твоё

Не касайся меня – я давно уже камень холодный,
сердце вырвано стаей замаранных дьявольских птиц,
меня выпило солнце в свой час обжигающий, вольный,
и на веки легла беспросветная страшная боль.

Не желаю твоей становиться удушливой смертью,
пока радости божьи вдыхают в твой воздух тепло,
мне б с души твоей сбить почерневшее белою плетью
и избавить себя от бесовских желаний – скорбеть.

Не смотри тяжело в мои тайные рваные мысли —
в них последнее гаснет при свете обманчивых лун,
мне становится больно разбрасывать алые камни,
чтоб быстрее раскрошиться на части изменчивых дюн.

Не хочу быть твоим нежеланным испорченным раем
и шершавой рукой трогать мир, где кричат журавли,
исчезаю в своих, завоздушенных голью, подвалах,
забирая свой мрак, чтобы сердце дышало твоё...

без запятых

на циферблате стрелки рисуют

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.